

Было это, кажется, где-то под Геленджиком. А может, под Туапсе. А может... впрочем, неважно. И под Геленджиком, и под Туапсе, и под другими курортами есть маленькие дикие пляжики, где удобно переждать волнение, если оно застало тебя в открытом море.

Евгений Львович так и сделал. Будь он лет на пять помоложе, он бы еще поборолся с волнами, а сейчас... Нет, он не боялся, конечно. Просто он и так знал, что сможет победить их. Тратить силы на доказательства этого бесспорного факта не имело никакого смысла. Сил у Евгения Львовича было не то что бы мало, просто чем дальше — тем меньше хотелось разбазаривать их зря. Дельфин, которой плюхался и фыркал рядом с ним, мог себе это позволить, а ему не стоит. Пусть лучше силы будут при нем. Пригодятся.

Потому-то Евгений Львович и выплыл к маленькому дикому пляжику, окруженному со всех сторон каменными громадами. Переждать здесь... или же просто посидеть на берегу, глядя на волны, бьющие наотмашь в скалы. И назад. Три балла — не волнение, а так, курям на смех... хотя уже не три, пожалуй, а все четыре. Или три с половиной...

Был наш герой ни стар, ни молод, ни красив, ни уродлив, ни высок, ни низок, а так — всего понемногу. Или, как говорят в Анапе, «между здесь». Да и чемпионом по плаванию он, по правде говоря, тоже не был — просто надоели шезлонги, да груды тел на пляже, да глупые байки экскурсовода. И горы тоже надоели. Стихии захотелось, хоть и года уже не совсем те... Но сейчас, когда он вылез на берег — мокрый, бронзовый от загара, окрепший и похудевший за отпуск — пожалуй, он был в лучшем своем виде. Никакой костюм ни от какого Воронина, никакие статусные тряпки-шмяпки не представили бы его лучше, чем этот морской наряд — плавки, загар и капли на теле, пропитанные солнцем.

Таким его и увидела она.

Евгений Львович не сразу обнаружил, что он не один. Шумно выдохнув (не от усталости, нет, просто положение обязывало), он рухнул на берег и какое-то время лежал, глядя в зенит. Пылающая синева била по нервам, и хотелось зарыться от нее в гальку, уйти вглубь, как насекомое, схорониться и не видеть ни волн, ни неба, ни своего тела...

Потом он встал и оглянулся.

Какое-то время они просто смотрели друг на друга: она — с любопытством, он — испуганно, будто та была русалкой или кем-то вроде. Волосы ее вились вокруг голого тела, как вьюнки. Потом Евгений Львович сообразил, как себя вести: скорчил улыбку и крикнул «привет!» (Волны ревели, поэтому приходилось кричать.)

— Здравствуй!... — отозвалась она.

Такой ответ мог означать что угодно — и «я еще совсем девочка», и «ты для меня старый пердун», и «не нарушай дистанцию». На ней не было ни купальника, ни плавков, ни вообще ничего, кроме матовой мокрой кожи. Поэтому дистанция имела значение.

— Прости, что помешал!... — извинился Евгений Львович и присел, показывая, что не собирался ничего нарушать. — Немного отдохну и поплыву дальше!..

— Ничего!... Я тоже отдохнуть!... Только приплыла!... — крикнула в ответ русалка.

Она сидела на корточках, прикрывая грудь. Евгению Львовичу очень хотелось сказать «не прикрывайся», но он усмехнулся и лег на гальку.

— Ну и погодка... — он показал на волны.

— Да уж!..

— Любишь плавать, когда такие волны?..

— Ага!..

— И я люблю!... Когда волн нет — скучно!... А так — совсем другое дело!..

— И я тоже!..

Приходилось драть горло, потому что подойти ближе было нельзя.

— Ты откуда приплыла?..

— Да так!... Издалека!..

— Хорошо плаваешь?..

— Ничего!..

— Молодец какая!... А я вот тоже... — начал Евгений Львович, но вместо того осекся и кинул камень в волны. — Ну что?..

Он оглянулся. Не смог удержаться.

Она уже не прикрывалась. Поймав его взгляд, вернула руки обратно, но Евгений Львович успел разглядеть тугие шары, обильные, загоревшие, налитые молодой силой, и на них — маленькие комочки, съезженные от воды.

— Ну что, — повторил он, подойдя к воде. — Поплыву обратно...

Как нарочно, в этот момент плюхнула огромная волнища, обрызгав его с ног до головы.

Евгений Львович рассмеялся.

— Наверно, надо еще подождать! — крикнула русалка.

Голос у нее был резкий, подростковый, как у полугодовалых щенят. Зеленая совсем, думал Евгений Львович. Тело взрослое, сиськи вон какие, а личико девчачье, и глаза, и голос, и вот это вот все... Говорила она не то что бы с акцентом, а как-то слишком правильно выговаривала все буквы. Наверно, местная, с Кавказа. И породой похожа — чернявая, чуть горбоносенькая, глазастая такая...

— Похоже, усиливается! — он кивнул на море.

— Тогда надо плыть сейчас!..

— Тут камни вдоль всего берега!... Надо далеко отплыть, а то побьет!..

— Я знаю!..

Снова плюхнула волнища, вдвое больше прежней, и Евгений Львович отскочил назад.

— Оу! Прости, ради Бога, не заметил, как ты... тут волны... — шумно извинялся он, хоть и почти не толкнул ее.

— Ничего, — улыбнулась она. Улыбку ее невозможно было выдержать. И еще русалка была синеглазой, он только сейчас это заметил. Смуглой и синеглазой, как песок, и в нем — кусочки неба.

Евгений Львович сглотнул.

— Что делается, — протянул он, махнув рукой на море. — Прямо шторм...

— Да-а...

Она по-прежнему прикрывала грудь (хоть и какой в этом смысл, если голая мохнатка колола ему глаза, мокрая и стыдная до озноба...) От ее наготы и юности хотелось орать, перекрикивая волны, и Евгений Львович орал, хоть она и была рядом:

— Кажется, мы попали!..

— Угу...

— А наверх тут как-то можно выбраться? — он запрокинул голову. Вокруг торчали отвесные скалы. — Чтобы по берегу...

— А как же я...

Она показала на себя, отняв руки от груди (те колыхнулись, как желе).

— Да-а...

Волны плюхали все злее и злее. То место, где он лежал, уже тонуло в пене.

— Любишь купаться... вот так?

— Ну... иногда люблю. Когда не видят...

— Да-а, — снова сказал Евгений Львович.

Что сказать еще, он не придумал, и поэтому просто сел на гальку.

Русалка уселась рядом, в полуметре или чуть ближе.

— Колючее такое, — пожаловалась она. У нее была невыносимая привычка все время улыбаться. — Не привыкла...

— Принцесса на горошине, — сострил Евгений Львович.

Принцесса хихикнула. Она уже не прикрывалась, и тот старался не коситься на соски, торчащие на фоне белой пены.

— И что делать? — спросила она.

— Ждать у моря погоды... Тебя как зовут?

— Бзиби.

— Как?

— Бзиби.

(«Или врет, или точно местная», решил он.)

— Надо же, какое красивое... А меня... — он хотел сказать «Женя», но вовремя ощутил, что это не прозвучит, — а меня Евгений Львович. Будем знакомы!..

Улыбаясь и мучаясь от того, что улыбка фальшивая, он протянул ей руку. Бзиби пожала ее ледяными, как рыба, пальцами.

— Ого! Замерзла?

Он и сам вдруг понял, что зябко. Солнце уже подползло к краю моря, выкрасив все рыжими отблесками, которые не грели.

— Похоже, придется ночевать здесь, — сказал он, хоть это и так было ясно.

Бзиби хмыкнула.

— А что делать? Попробуем развести костер.

— Это как?

Как и большинство горожан, Евгений Львович не развел в своей жизни ни одного костра.

Впрочем, он знал, что главное — уверенность. Если уверенно взяться за что-то, да еще и на глазах у юной девушки, да еще и голой — 95 из 100, что все получится.

— А что тут уметь?... Давай искать что-нибудь, что может гореть, — Евгений Львович вскочил и стал с деловым видом рыскать по берегу. — Дерево, ткань, палки всякие...

Она тоже вскочила и стала рыскать.

Минуту или две они бродили по пляжу, как ищейки.

— Мокрое все такое, — сокрушенно говорил Евгений Львович, переворачивая валун. — Я бы плавки поджег... но они тоже мокрые.

Тут они оба замолчали. Бзиби с сосредоточенным видом бродила у скал, а он косился на ее грудастый профиль.

Закатное солнце выхватывало каждую выпуклость ее тела — и соски, и косточки таза, и лохматый лобок с той самой запретной складкой... и это было чудовищно.

— Ты как? — вдруг спросил Евгений Львович. — Ну, в смысле... сильно замерзла?

Он хотел спросить совсем не это. «Каково это — ходить голышом на глазах у меня, да еще и здесь?» — звенело в воздухе, в шуме волн и в его голосе. И Бзиби прекрасно это поняла. И он тоже понял, что она это поняла.

— Да нет... нормально... — хрипло ответила она.

— Пральна! Грейся, двигайся!... — бодро крикнул Евгений Львович. — О! Смотри, что я нашел!..

Он добыл из расщелины корягу, более-менее сухую и длинную, как коромысло. — Вот и наш костер.

Бзиби подошла к нему. Близко-близко.

— А как это?

— Трением, как дикари... — прохрипел Евгений Львович: она тронула его соском. — Как робинзоны... Щас добудем искру...

— Искру?

— Ну да...

Он понятия не имел, как это делается, но был твердо уверен, что фигня, плевое дело.

Размахнувшись (локоть опять прикоснулся к соску), он шваркнул двумя булыжниками друг по дружке.

— О! Видишь — искра, — внушительно сказал Евгений Львович, и Бзиби протянула — «уууу»

— Теперь надо поджечь вот эту заразу. А ну держи, — он сунул ей корягу, и Бзиби ухватила ее, как пику. — Надо, чтобы искра попала вот сюда, понимаешь? Тогда оно сразу загорится, и у нас будет костер. И тогда это будет наш берег, берег Робинзонов... Держишь, да? Поехали!

Он лупасил булыжниками у кончика коряги. Искра то вспыхивала, то нет, а кончик неумолимо расхреначивался в кашу, и было совершенно ясно, как все это называется... но Бзибины соски были совсем рядом, и локоть то и дело задевал их, а она не отходила...

И кто знает: может быть, именно эта энергия перетекла из их тел в кончик коряги.

— Смотри: дым! — крикнул Евгений Львович, и Бзиби запищала. — Тихо!... Раздуваем.

Ффффу, фффффу, — начал дуть он, и Бзиби тоже дула, тронув его плечом. — Не так сильно, погаснет...

Вдруг огромная волна плюхнула на них, обрызгав с головы до ног.

— Иэх! — Евгений Львович отбросил корягу. — Теперь мокрая...

Кривясь от досады, он отошел к скалам.

— Смотри, какие волны!..

Пока они играли с огнем, половина пляжа утонула в пене. Море ухало так, что над каждым валуном взметались двухметровые фонтаны.

— Пять баллов, а то и все шесть... Глянь, — Евгений Львович кивнул на ложбинку между скалами. — Авось там не достанут... Тут и теплее! — крикнул он уже оттуда. — Камни нагрелись. Но все равно бы костер...

Стремительно

темнело. Глаза уже уставали пялиться в лиловую мглу, окутавшую берег...

Робинзоны еще минут десять рыскали туда-сюда. Потом Бзиби села на гальку.

— Засыпаю... — сказала она и рассмеялась.

Евгений Львович подошел к ней.

— Это от волн. От болтанки. У меня тоже все вот так, — он покрутил руками.

— И что?... Я сейчас засну.

— Нет, здесь не надо. Здесь и волны, и... Пойдем, — он протянул ей руку. — Пойдем-пойдем! Давай!

Она встала, повиснув на его руке, и дала привести себя к ложбинке.

— А как...

— Ложись. Вот тут даже перина у нас, — он нащупал в полумраке кучу сухих водорослей и раскидал их по камням. («Надеюсь, там нет никого кусачего...»)

— А ты?

— А я — не знаю... может, мы тут вдвоем? Смотри, сколько места!

— Ай, — Бзиби оступилась на камне, и Евгений Львович ухватил ее за бока, холодные, как водоросли в ложбинке.

— Замерзла вся... Так, что же делать, что же делать, — забормотал Евгений Львович. — Без костра-то...

Бзиби уже мостилась на водорослях:

— Ай... колючее...

Евгений Львович вдруг решился.

— Есть один способ, — выдохнул он, как в омут прыгнул. — Чтобы не мерзнуть.

— М?

— Крепко прижаться друг к другу. Как котятка. И мы будем друг друга греть. А? Хочешь?.. (Я же без задней мысли, говорил он себе. Так и правда теплее. Замерзнет ведь девочка...)

— Не знаю...

Обмирая, Евгений Львович лег рядом, на водоросли. Было очень тесно и неудобно.

— А хочешь — на меня ложись. У меня пузо толстое, как подушка. Пива много пью, — суетливо заговорил он. — А, Бзиби? Мягче будет...

Бзиби муркнула что-то, Евгений Львович опять переспросил — «а?»

Потом минуту прислушивался к тишине.

Потом глубоко вздохнул...

... но тут шурхнули водоросли, и к нему прильнул продрогший сгусток сумрака.

— Иди сюда... девочка моя... сейчас мы тебя согреем... — бормотал Евгений Львович и обнимал озябшее тело. Бзиби пристроилась ему под бочок, положив мокрую голову на грудь, потом муркнула и влезла выше, влипнув грудями в живот. Ножки ее вытянулись вдоль его ног, руки обвисли, и вся она растекалась по нему, как тесто.

Сонное марево окутывало мозг и тело. Евгений Львович быстро сдался и поплыл куда-то, где мозг не имел над ним никакой власти.

Тело сразу зажило отдельной от него жизнью: руки поползли по бархатной спинке Бзиби, пальцы начали мять ее, ощупывая ребра... Одурманенный мозг плавал в этом тумане и вспыхивал мыслями-искрами: «что ты делаешь?...» — «просто грею...» — «она же доверилась тебе...» — «только массаж, и все...»

Марево вдруг потеплело, набухло этим умильным теплом, пекучим, как йод, которым пропахло все вокруг... Руки Евгения Львовича сжали Бзиби сильнее — крепко, очень крепко, очень-очень крепко — до хруста, до боли в ребрах...

Ее лицо было где-то совсем близко — там, где невидимые губы касались груди и шеи Евгения

Львовича... или это только мерещилось ему? Влажная щекотка поднялась выше — к шее, к щекам, — и он тронул губами соленое лицо. Где-то около глаз, потому что его щекотнула ресничка. Потом еще тронул, и потом еще, и еще... с каждым поцелуем тепло делалось большей и жарче, и вот уже оно облепило Евгения Львовича горячим маслом, вросло в него грудями, гнулось и дрожало на нем и в нем...

«Что ты делаешь?!» — искрил мозг. Они как-то перевернулись, вжавшись друг в друга, и Евгений Львович не помнил, когда его рот провалился в сладко-соленые губы, заледенившие его мятной жутью. И как снял плавки, тоже не помнил, помнил только, как дырявил ее двумя рогами — языком и грешным своим концом, проваливаясь в Бзиби с яйцами и потрохами. Мозг искрил где-то далеко, и он уже не слышал его, потому что тепло сделалось огнем, и он горел в нем, и Бзиби тоже, и они горели друг в друге, сросшись внутри на эти страшные, невозможные и вечные секунды...

И потом, когда секунды сгорели, и он излился в Бзиби до капли и стал пустым и легким, — тогда они парили в чернильной тьме и светились в ней, источая накопленный жар, и где-то рядом парил оглушенный разум Евгения Львовича.

«Ты знал, что так будет» — искрил он. — «С самого начала знал, как только увидел ее, голую. Вы были обречены, и ты знал это...»

Искрил — и обжигал горечью, и тонул в мареве, поглотившем все вокруг; и внутри была Бзиби, уже не холодная, а жаркая и текучая, и она была этим маревом, и улыбкой, и слезой, и скулила, и смеялась, и пропитывала собой его тело до самых-самых глубоких глубин...

И утро было горько-сладким, будто Евгения Львовича выкупали в полынном сиропе. Он проснулся с густым теплом внутри, и долго не открывал глаза, чтобы не расплескать его. Потом вдруг открыл и подскочил, посадив синяк на плече.

Сверкнула тень чего-то, чего не могло и не должно было быть. Такое бывает между сном и явью, но Евгений Львович вдруг испугался, что он сошел с ума. Откуда-то всплыл голос экскурсовода с набережной — мелькнул и улетучился в никуда...

Какое-то время Евгений Львович пялился прямо перед собой, на лиловую полосу гальки. Потом оглянулся.

Бзиби не было.

Он стряхнул плавки, висевшие на ноге, и выбрался на берег, уже зная, что и там ее нет.

Перед

ним было ровное и гладкое, как матовое стекло, море. Лиловое здесь, в тени скал, и сверкающее вдали, где его золотило утреннее солнце. Надежда, если она и была, потухла окончательно: Берег Робинзонов был пуст.

А чего, интересно, ты хотел, вопрошал себя Евгений Львович. Прижал девочку к скале, выебал, накончал в нее... (он глянул вниз и увидел, что его хер в крови)... и целку, опять же, продырявил ей, блядь... Хорош.

Он все это понимал. Но внутри по-прежнему было горько-сладко, и он держал в себе эту горечь и эту сладость, чтобы пропитаться ими как следует. Надолго. Навсегда.

Море сковал мертвый штиль, но Евгений Львович не спешил плыть. Черпнув воды, он подмылся и остался сидеть, глядя в ртутную гладь.

Вдалеке, где солнце играло бликами в воде, мелькала стайка черных точек. Блики слепили,

как настоящие водяные солнца, и он отвел глаза. Наверно, дельфины. Или какие-то птицы... Стоп, что это?

Кажется, одна из точек приближается к нему.

Скосив взгляд, он наблюдал за ней. Чем ближе она подплывала, тем крепче он застывал, превращаясь в одну из скал, оцепивших Берег Робинзонов. Точка уже превратилась в чернявую голову, а затем и в плечи, и в грудь, и уже вышла из воды, а он все еще сидел, как камень. Потом вдруг вскочил:

— Думал, не вернешься уже! Уплыла от меня, — крикнул Евгений Львович фальшивым бодрячком.

Она смотрела на него долго и тяжело. Потом сказала:

— Я не могу.

— Что не можешь?... девочка моя... — бормотал Евгений Львович, подходя к ней. Чуть помедлив, обнял мокрое тело — и оно сразу прильнуло к нему, прилипло всей влажной наготой к его нагоде и обтекло ее, как тогда, и голова ткнулась ему в подбородок... — Что «не могу»?

— Не могу. Не знаю, что делать.

Не будь козлом, говорил он сам себе и гладил ее. Не будь козлиной и не делай вид, что не понимаешь. Девочка стала женщиной и не может вот так вот просто уплыть и забыть. Она не знает, что ей делать. Она маленькая, а ты взрослый старый козлина, и ты выебал ее нахуй, наштиговал своим генофондом по уши, и теперь отвечаешь за всю ее жизнь...

Евгений Львович приподнял пальцем мокрый подбородок, чтобы заглянуть в глаза. Они смотрели на него, как вчера смотрело вечернее небо, — синие, дикие, пекучие глаза, от которых хотелось схорониться в гальку...

Вдруг он отпрянул от нее. Глаза жгли, а он барахтался в их синеве и не мог принять того, что понял.

Почти понял.

Ему опять казалось, что он сошел с ума... и опять выплыл голос экскурсовода, смешной и лишний здесь, на Берегу Робинзонов.

Вокруг была обыкновенная галька, обыкновенные скалы, обыкновенное море... и все это было невозможно. Того, что он почти понял, не могло быть.

— Что ты не можешь? — прохрипел он.

— Не могу стать прежней. Море не принимает. Теперь я буду такой...

— Какой «такой»?

— Такой, — она показала на себя. — И я не знаю, что делать. Моя жизнь в море, но я не могу...

Он не расспрашивал ее. Не удивлялся. Не говорил ей «ты перегрелась, тебе надо отдохнуть...»

И не вдумывался в то, что понял, — это было опасно. Он просто обнял ее, и она снова растеклась по нему, а он радовался ее соскам на своей коже и тугой попе под ладонью, и тому, как его конец снова расцветал горьким цветом, и солнцу, и тому, что она вернулась.

— Почему ты так сделала? — спросил он, до конца не понимая, как именно «так» (в это и не было нужды).

— Ты красивый. И я думала — все это сказки. Мы все так думали...

Она не плачет потому, что не умеет, понял Евгений Львович и еще крепче обнял ее. Он вдруг стал все понимать какой-то внутренней антенной, которая выросла у него.

— Ты приплыла на этот берег из-за, да?

Бзиби судорожно кивнула.

— И ты не знала, что мужчина может сделать с тобой, если ты... если ты человек?

Она снова кивнула.

Евгений Львович хотел спросить еще что-то... но вместо того вдруг нагнулся и поцеловал ее сосок. Потом другой. Потом снова первый. С языком, с присосом, и еще пальцами смял тугое сокровище, наполнившее горькой солью его рот...

Бзиби стонала, а он терзал ей грудь, стоя на коленях. Потом спустился к бутончику: расклеил его языком, пощекотал, всосался туда, как клещ...

Потом бережно уложил скулящую Бзиби на гальку и влип в нее, как ночью, сверху и снизу — до боли в губах и в лобке.

«Нужно закрепить эффект» — говорил он себе, думая, как это весело — быть сумасшедшим, и улыбался скалам и всему морю...

— Ты поняла? Я нашел тебя на берегу. Ты потеряла память. Не помнишь ничего — ни имени, ни кто ты и что ты. Сейчас главное — вывезти тебя ко мне... — повторял он.

Они шли по набережной. Справа были горы, слева — шезлонги и пляж, набитый грудями тел. В голубом купальнике, купленном тут же, в ларьке, Бзиби смотрелась так, что даже экскурсовод, излагавший свои байки в тысячный раз, увидел ее и запнулся:

—... Красивая и, я бы сказал, пикантная местная легенда гласит, что однажды такой дельфин превратился в человеческую девушку. И ее полюбил один князь. И не только полюбил, а и, так скажем, лишил девственности. И она после этого навсегда осталась человеком и никогда больше не могла... эммм... кха-кха! Так, моя группа, не разбегаемся, проходим вот сюда, проходим, проходим...